

Елена Богоявленова

Проклятое наследие

18+

Елена Богоявленова

Проклятое наследие

<https://litres.ru/74171749>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то он был наследником благородной власти и бесчисленных денег. Потом он стал позором семьи, не надеясь вернуться и исполнить мечту о большем.

Теперь он — создание тьмы, обрёл могущество, славу и новое имя. Но хрупкие воспоминания о прошлом не дают покоя ни ему, ни тем, кто даровал ему эту силу.

Казалось, застывшее сердце снова начнёт биться рядом с теми, к кому он обещал вернуться.

Но перед тем, как вернуть утраченное, он исполнит своё новое наследие...

Содержание

1756. Восточная Пруссия	4
Май, 1721	11
Месяц спустя, 1721	21
1756. Заброшенный особняк в Восточной Пруссии	34
1721, Москва. Осень-зима	37
1722, январские будни	57
Одно воспоминание из 1723	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Проклятое наследие

1756. Восточная Пруссия

Есть ли свет во тьме, а в свете — тьма?

Мужчина с пепельными волосами не раз задумывался над этим вопросом, исполняя чужие приказы. Он не вдавался в нравственную сторону дела — кому его поступок принесёт пользу, а кому вред. До одного случая много лет назад

За окном пронзительным воплем звала выюга, и этот снег, проклятый белый снег, растворяющийся в иссохшей земле, который приводил его в бешенство. А осознание того, что он начал раздражаться из-за таких незначительных вещей, как падающая с неба белоснежная пыль, раздражало ещё сильнее. Он попросил служанку принести выпить, когда за дверью слышались неуверенные шаги.

— Зачем ты звал меня, Лóтар?

Мужчина, названный Лотаром, удивился услышанному. *«Я давно потерял связь со своим прошлым именем. Я другой, я отрёкся от Лотара, отныне и до окончания веков моё имя Зейн — имя, которое даровали мне они».* Зейн мысленно проговорил эти слова словно единственно-истинную молитву, после чего мужчина обернулся к вошедшему в комнату — это пришёл его младший брат, Дэн.

— Я должен сказать, что тех, кто даровал мне новое имя,

больше нет, — сказал Зейн. Дэн настороженно покосился на брата.

— Ты знаешь, почему?

— Знаю. Но не могу ответить, знание это способно нас исцелить... или же снова погубить.

Да, Зейн запомнил Дэна как младшего, хотя теперь были почти ровесниками: такова особенность бессмертия. Они прощались в родном поместье, будучи совсем юными — старший сын, названный Лотаром, покидал дом в семнадцать лет, Дэн тогда был десятилетним мальчишкой. Теперь младший брат застыл во времени, когда отсчитано двадцать четыре. И в нём до сих пор столько детской наивности, неопытности, желания познать белый свет! Однако теперь, когда обширная, неизведанная земля расстелилась пред ногами подобно ковру из дорогого шёлка, его внутренний мир перевернулся навсегда.

Во всём виноват он, старший брат — Зейн вернулся в отчий особняк спустя непростительно долгое время, когда слишком многое изменилось бесповоротно.

— Уверен, у тебя был приказ помалкивать, — пробурчал Дэн, пересекая комнату из одного конца в другой. Он был взволнован и не находил себе места, запуская пальцы в чёрные локоны снова и снова, будто это поможет забыть всё плохое, связывающее братьев. Худощавый, с густыми бровями над миндалевидными серыми глазами, он не пользовался популярностью у женского пола. В то время как Зейн,

первенец, отличался красотой тела благодаря постоянным тренировкам в прошлом, а наследственность сделала его лицо необыкновенно прекрасным, наделила притягивающими изумрудами на месте глаз. И скулы, строгие, выравнивающие другие черты, что были обожаемы знатными дамами.

Такие разные, но всё же одна кровь, братья сквозь века. Хотя Зейн знал — после всего, что он натворил, Дэн ненавидит его больше, чем любит. Мужчина с пепельными волосами достал спрятанный пергамент из рукава и начал не спеша разворачивать его, открывая взору надписи с заглавной буквы.

— Приказ был, — кивнул Зейн. Или всё-таки Лотар? Или просто Сангвинар, всего лишь один из слуг его Повелителей? — *Они* также велели сжечь пергамент, когда я выучу его содержание наизусть. Но я решил, что, прежде чем исполнить приказ, ты узнаешь, что там было написано.

Дэн резко перехватил бумагу из рук брата. Перечитывал строки снова и снова, словно не мог понять — или опасался забыть то, что прочитал? И только первый вопрос сорвался с губ младшего брата, старший с огромным облегчением кинул исписанный лист в камин.

— Это список с именами, не так ли? Но кому они принадлежат?..

Служанка бесшумно вошла в комнату с подносом в руке. Девушка поставила два бокала с плескающейся красной жидкостью на столешницу рядом с Зейном, неловко попра-

вила повязки на правом запястье и поспешила скрыться с глаз хозяина. Острый запах металла, что вызвал в обоих братьях голодный трепет, наполнил тёплые стены особняка.

— Садись и угощайся, братик. Дай мне обещание — держать услышанное в строжайшем секрете. Тогда я поведаю тебе о великом плане, частью которого я стал.

Дэн кивнул, покорно сел и залпом выпил человеческую кровь из бокала.

Огонь в камине трещал по остаткам древесины. Это особенная музыка удара стихии об стихию, нежное лизание язычков пламени об пепел. Музыка, идеально подходящая для того, чтобы начать рассказ издалека.

За окном пронзительным воплем звала выюга, и этот снег, проклятый белый снег, растворяющийся в иссохшей земле, который приводил его в бешенство. А осознание того, что он начал раздражаться из-за таких незначительных вещей, как падающая с неба белоснежная пыль, раздражало ещё сильнее. Он попросил служанку принести выпить, когда за дверью слышались неуверенные шаги.

— Зачем ты звал меня, Лóтар?

Мужчина, названный Лотаром, удивился услышанному. *«Я давно потерял связь со своим прошлым именем. Я другой, я отрёкся от Лотара, отныне и до окончания веков моё имя Зейн — имя, которое даровали мне они»*. Зейн мысленно проговорил эти слова словно единственно-истинную молитву, после чего мужчина обернулся к вошедшему в комнату

— это пришёл его младший брат, Дэн.

— Я должен сказать, что тех, кто даровал мне новое имя, больше нет, — сказал Зейн. Дэн настороженно покосился на брата.

— Ты знаешь, почему?

— Знаю. Но не могу ответить, знание это способно нас исцелить... или же снова погубить.

Да, Зейн запомнил Дэна как младшего, хотя теперь были почти ровесниками: такова особенность бессмертия. Они прощались в родном поместье, будучи совсем юными — старший сын, названный Лотаром, покидал дом в семнадцать лет, Дэн тогда был десятилетним мальчишкой. Теперь младший брат застыл во времени, когда отсчитано двадцать четыре. И в нём до сих пор столько детской наивности, неопытности, желания познать белый свет! Однако теперь, когда обширная, неизведанная земля расстелилась пред ногами подобно ковру из дорогого шёлка, его внутренний мир перевернулся навсегда.

Во всём виноват он, старший брат — Зейн вернулся в отчий особняк спустя непростительно долгое время, когда слишком многое изменилось бесповоротно.

— Уверен, у тебя был приказ помалкивать, — пробурчал Дэн, пересекая комнату из одного конца в другой. Он был взволнован и не находил себе места, запуская пальцы в чёрные локоны снова и снова, будто это поможет забыть всё плохое, связывающее братьев. Худощавый, с густыми бро-

вьями над миндалевидными серыми глазами, он не пользовался популярностью у женского пола. В то время как Зейн, первенец, отличался красотой тела благодаря постоянным тренировкам в прошлом, а наследственность сделала его лицо необыкновенно прекрасным, наделила притягивающими изумрудами на месте глаз. И скулы, строгие, выравнивающие другие черты, что были обожаемы знатными дамами.

Такие разные, но всё же одна кровь, братья сквозь века. Хотя Зейн знал — после всего, что он натворил, Дэн ненавидит его больше, чем любит. Мужчина с пепельными волосами достал спрятанный пергамент из рукава и начал не спеша разворачивать его, открывая взору надписи с заглавной буквы.

— Приказ был, — кивнул Зейн. Или всё-таки Лотар? Или просто Сангвинар, всего лишь один из слуг его Повелителей? — *Они* также велели сжечь пергамент, когда я выучу его содержание наизусть. Но я решил, что, прежде чем исполнить приказ, ты узнаешь, что там было написано.

Дэн резко перехватил бумагу из рук брата. Перечитывал строки снова и снова, словно не мог понять — или опасался забыть то, что прочитал? И только первый вопрос сорвался с губ младшего брата, старший с огромным облегчением кинул исписанный лист в камин.

— Это список с именами, не так ли? Но кому они принадлежат?..

Служанка бесшумно вошла в комнату с подносом в ру-

ке. Девушка поставила два бокала с плескающейся красной жидкостью на столешницу рядом с Зейном, неловко поправила повязки на правом запястье и поспешила скрыться с глаз хозяина. Острый запах металла, что вызвал в обоих братьях голодный трепет, наполнил тёплые стены особняка.

— Садись и угощайся, братик. Дай мне обещание — держать услышанное в строжайшем секрете. Тогда я поведаю тебе о великом плане, частью которого я стал.

Дэн кивнул, покорно сел и залпом выпил человеческую кровь из бокала.

Огонь в камине трещал по остаткам древесины. Это особенная музыка удара стихии об стихию, нежное лизание язычков пламени об пепел. Музыка, идеально подходящая для того, чтобы начать рассказ издалека.

Май, 1721

Её кожа была изумительно тёплой и нежной.

Вот уже несколько часов они делили мягкую постель. Она прислонилась к нему с материнской любовью, положив голову на его обнажённую грудь, и длинные рыжие волосы девушки будто согревали юношу огнём.

— Давай в этот раз не будем прощаться, — прошептала она. — Здесь так хорошо

Он тоже не хотел уходить. Ева была необычной девушкой, блестящий ум и красота делали её самой желанной в заведении. Молодой человек приходил к ней каждую неделю, и подолгу они не могли оторваться друг от друга.

— Я не уйду, — пообещал он и одарил возлюбленную поцелуем в лоб. Ведь это его жизнь и желание, беспрепятственно каждый день пить дорогое вино и наслаждаться близостью тёплых тел

Вскоре Ева заснула. Юноша накрутил на палец рыжий локон, глубже вдохнул запахи чистоты и уюта, которыми были пропитаны кудри прекрасной девушки, после чего отпустил мягкие, как летние волны, волосы и встал с постели. В настроении, когда оно описывается единым словом — счастьем, он подошёл к окну, откуда открывался чудесный вид на Балтийскую набережную. Прекрасно наблюдать за городской жизнью с вершины — за неунывающими торгов-

цами рыбой и моллюсками, выкрикивающие вопиющие выгодные предложения, лишь бы заработать; как радуются отдыху и покупкам за честно заработанные деньги крестьяне. Несмотря на шаткое положение Прусского королевства на мировой арене, среди бродящих по рынку легко заметить путешественников, что любят великолепными творениями местных архитекторов. Синие пейзажи залива, готические здания из камня и кирпича, город с переменчивой погодой — от ослепляющего солнечного света до грозного, сметающего всех и вся на своём пути ветра — вот оно, чарующее лицо Кёнигсберга, родного и любимого города. Зачем ему прелести европейских соседей, когда есть дом, корень влияния, источник наслаждения?

Потоке размышлений навеивал сон, но молодого человека неожиданно отвлёк стук в дверь.

— Господин, мой господин! — позвал управляющий заведением. Голос выдавал истерику и страх, он снова постучал, не дождавшись ответа. — К вам гости, очень настойчиво просят увидеться.

— Я велел не пускать посторонних, — недовольно произнёс юноша. Что за гости в столь приятный час и в таком месте? Никто не должен был знать о его местонахождении, разве что

— Я ответил согласно указу, честное слово, господин! Но они были непреклонны

Голос управляющего растворился среди звуков непонят-

ной возни за дверью, от чего Ева проснулась. Она встряхнула своей пламенной гривой, широко зевнула и возжелала узнать, кто нарушил их блаженный покой, как в комнату вошли двое людей.

Юноша замер — в голове промелькнул вихрь мыслей, но пытаться сбежать, придумывать отговорки, было поздно. Ведь в комнату вошёл его *отец*. Суровый, с благородной осанкой мужчина с тёмными каштановыми волосами в офицерской форме, чей тыл светился от наград и орденов, взглядом впился в девушку на кровати — Ева испуганно вскрикнула и чуть ли не упала на пол, запутавшись в одеяле.

— Оставьте нас, — устало произнёс мужчина.

Присутствующие в комнате не наблюдали за спешным одеванием Евы, вежливо отвернувшись. Только юноша не мог оторвать глаз от девушки удивительной красоты, чувствуя, что видит её в последний раз. Она вылетела из комнаты изящная, лёгкая, подобно весеннему тополиному пуху.

— Вильгельм, ты тоже, — приказал мужчина человеку, что сопровождал его в пути, где бы он ни был. Вильгельм, преданный страж и личный защитник отца, обладал лицом, исполосованное шрамами, и хорошо знал цену каждому приказу. Он кивнул и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Отец и сын остались наедине. Впрочем, сын не желал растягивать драму и сразу спросил:

— Как ты меня нашёл?

— Я посетил каждый бордель в городе, — с удивительным спокойствием ответил отец, — как сделал ты в своё время. Я не удивлён, что твоё имя в местах, подобных этому, известнее имени нашего короля.

— Получается, это король из зависти послал тебя за мной?

— Мне не до шуток, Лотар. Собирайся.

Но Лотар не шелохнулся. Он устал бегать от отца — или следовать за его поводом. Он старший сын и хочет управлять судьбой, не вспоминая о наследии, что оставил глава семьи.

— Я никуда не пойду, — решительно бросил Лотар. Он снова и снова кидал отцу вызов, но безуспешно, потому что прожигающий взгляд родича, как всегда, в миг заставил юношу сгорбиться. — Ты лишил меня денег, слуг, теперь хочешь лишить свободы выбора?

— Я хочу, чтобы ты наследовал то, что я получил непосильным трудом, — отец сел на край кровати, и впервые за долгое время Лотар увидел, насколько он может быть обесиленным. Странно видеть отблески слабости в том, кто вёл за собой армию, говорил с королём без правил этикета. В человеке, которым восхищались сотни или тысячи людей, в том числе его семья. — Я хочу, чтобы ты прошёл через необходимые испытания, трудности и стал настоящим мужчиной. Гордость великого прусского рода Эйдельман! Теперь же мне осталось ничего другого, кроме как преподать тебе последний урок.

— Мне не нужны твои уроки, — огрызнулся Лотар. — Я без них всё знаю. Я получу долю славы, когда придёт время, и сделаю это по-своему. Я не желаю идти по твоим стопам, отец.

В порыве гнева отец встал, Лотар тоже. Юноше всего семнадцать, но он уже догнал отца ростом, у обоих львиный взгляд, аккуратная форма лица, и губы, созданные для сладкой улыбки. Только отец давно забыл, что значит улыбаться.

— Как тебе не стыдно обманывать собственную матушку, выпрашивая деньги на что-то благороднее, чем девушки и алкоголь?! — взревел он и был громче воя ветра на горной вершине. — Младший брат каждый день ищет тебя во дворе, желая учиться у того, кого считает примером, а старший тем временем валяется на кровати с очередной куртизанкой! Весь Кёнигсберг сплетничает про моего сына, разгильдяя и любителя азартных игр. Ты позоришь меня, Лотар.

— И что с того? — тот насмешливо фыркнул в ответ. — Заставишь стражу выпороть меня, как делал в детстве, когда был недоволен поведением сына?

— Я больше не хочу называть тебя своим сыном.

Лотар испытывал отвращение к человеку, которого звал своим отцом. Ещё ребёнком он решил, что не хочет стать копией главы семьи Эйдельман. Эта мысль поселилась в детской головке не сразу, но делала мальчишку одержимым до ненависти. Однако сейчас, услышав признание отца, его словно пронзила пороховая пуля.

— Собирайся немедленно, — сказал, нет, приказал отец. — Или я велю Вильгельму потащить тебя силой.

— Хочешь вернуть меня домой? — Лотар чувствовал, как срыгается, но проливать слёзы рядом с этим человеком было выше его гордости. — Ради чего? Я снова сбегу, хоть выкупи ты все публичные дома бывшей столицы.

— Отныне тебе не сбежать, Лотар. Потому что бежать будет некуда.

Конрад Дорге Эйдельман, чьи предки корнями уходят в духовно-рыцарский Тевтонский орден, создал идеальную репутацию в Прусском королевстве. Но никто не знал Конрада таким, каким его знал родной сын, первенец с говорящим именем Лотар — «народный воин».

Лотар хорошо помнил детство. Особенно хорошо он помнил то, с каким пренебрежением отец относился к сыну, когда у того что-то не получалось. Но Лотар был целеустремлённым мальчиком и жаждал внимания родного человека. Того, кого любили местные за доброту и честность, за почитание религии, другие аристократы — за уважение к традициям и смелые военные походы. Тогда мальчик взял себя в руки и погрузился в обучение.

Учителя и воспитатели заметили перемены в растущем не

по годам ребёнке, благодаря упорному труду он стал примером для детей знакомых семьи. География, математика, литература — стараниям юного Эйдельмана не было предела. За что бы он не взялся, у Лотара получалось всё на грани идеала. Но, когда он пришёл к отцу поделиться успехами, тот даже не взглянул на сына.

Глава семьи Эйдельман превратился в призрак особняка. Он любил чистоту и порядок, поэтому слуги поддерживали дом в том виде, в каком любил хозяин, хоть часто он не мог увидеть плоды их труда. Отец был занят войной и политической, дворянину было далеко не до воспитания сына. И когда Лотар понял, что отец никогда не будет гордиться им, каких бы высот он ни достиг и подвигов ни совершил, то решил начать жить по-своему.

— Я посылаю тебя в Россию, — сказал отец. Глаза Лотара расширились — от страха, удивления или от их взрывоопасного смещения. — Ты будешь жить у родственников матери. Они небогаты, у них нет должного влияния, то есть, потратить денег в пустую тебе не позволят. Единственное, что я оплачу — это учёба в Академии.

— Да ну, я не верю, — Лотар весело рассмеялся. Отец же шутит, он не станет на самом деле отсылать своего первенца в неизвестность. В чужую страну! Однако отец выглядел предельно серьёзным. — Ты про Славяно-Греко-Латинскую Академию в Москве? Мне там не место.

— Значит, тебе придётся найти его.

— Мать знает?

— Она осведомлена, но частично, — ответил глава семьи неохотно. — Мать у тебя добрая. Не захочет отправлять далеко.

— Отправлять? Или изгонять?

Отец не ответил, а Лотар, вне себя от ярости, не смотря собеседнику в глаза, закричал:

— Ты не можешь так поступить со мной!

Это был крик души. Ведь отец и так лишил всего, что было ему нужно. Он ненавидел человека напротив — за то, что выгоняет его с родины — и восхищался, что у того хватило духа избавиться от родного сына. Нет, это не житейский урок от отца, а наказание. Добивание мечты Лотара о собственном будущем не в тени отца.

— Хорошо, послушай! Дай мне шанс, — взмолился Лотар, мысленно прощаясь с очаровательным морским бризом Кёнигсберга, с трактирами, где он был желанным гостем. С преданными друзьями, сомнительными приятелями и с прекрасной рыжеволосой Евой. — Я изменяюсь. Сделаю всё, что скажешь. Брошу пить, возьмусь за военную службу Только не прогоняй меня.

— Когда-нибудь ты поймёшь, почему я так решил, — прошептал отец и отвернулся к окошку кареты — издали виделся фамильный особняк Эйдельман и несколько человеческих фигур у входа.

«Нет, этот человек не плачет, — подумал Лотар. — Раз

так, то и я сдержусь».

Лотар Эйдельман вылетел из кареты. Он никогда не чувствовал себя настолько убитым. Труп, у которого нет надежды восстановить бесповоротно разрушенную жизнь. Пройдя ступень отрицания и погасив пламя гнева, завершив безуспешные торги, он ощутил, будто его пытались утопить в холодной морской воде. И не сопротивлялся вязким путам меланхолии — спрятаться, не видеть бы мир и прожить последние деньки рядом с теплом женского тела

— Лотар! Как же я волновался! — неожиданно Лотара начали душить в объятиях. Младший брат выбежал на лужайку встретить старшего со всеми почестями. — Папа сказал, ты попал в беду. Я тоже хотел поехать на помощь, но он не позволил

— Спасибо, Дэн, — и Лотар сильнее сжал в объятиях младшего брата. Стоило услышать родной радостный смех, чтобы вспомнить — есть те, кто любит его не за деньги и привлекательную внешность. — С тобой мне любые трудности нипочём.

— Раз ты вернулся, пойдём на лошадях покатаемся? — предложил Дэн с улыбкой на пол лица — именно такая улыбка лишает дара речи и, конечно, возможности отказать. Лотар молча взял Дэна за руку. Единственный способ избавиться от резко возникшего чувства вины за то, что не оправдал ожидания, это отпустить проблемы на второй план. Рядом с дорогим сердцу младшим братом нужно жить здесь и сейчас.

Как-никак, подавать пример — задача старшего.

— Лотар? — мама незаметно коснулась плеча старшего сына. Во взглядах, обращённых друг к другу, проявлялись тонна заботы, печали и обиды. Она не могла повлиять на решение отца — но что за любящая мать, оставившая своё дитя на перепутье?

— Потом, мама, — выдохнул Лотар, не находя больше слов. — Дай ещё немного времени побыть собой

Месяц спустя, 1721

Нет ничего приятнее попутного ветра и чувства свободы перед грядущим концом. Длинные каштановые волосы просыпались в глаза, мешая наслаждаться просторами родных краёв — возможно, Лотар видит их в последний раз.

— Дэн, подожди!

Лошадь недовольно фыркнула, когда Лотар резко натянул поводья, чтобы спешиться, потеряв брата из виду. Учителя не зря старались — ещё немного, и Дэну не будет равных в верховой езде. По крайней мере, в его десятилетнем возрасте.

— Что случилось? — Дэн почти мгновенно оказался рядом, выскочив из-за угла на гнедом жеребёнке. Мать настаивала на покупке пони для младшего брата на первое время, но тот был категорически против — мол, животное должно привыкнуть к наезднику с детства, пережить с ним этапы взросления. *«Так сказал однажды отец, — вспомнил Лотар. — Потом я рассказал об этом брату. Вот, что значит, наследственность».*

— Давай задержимся здесь, на берегу, — предложил он. — Хочу немного подышать морем.

Дэн согласился, и, оставив лошадей пастись, два брата уселись на нагретый песок.

— Ты выглядишь мрачным, — заметил Дэн. Он, как все-

гда, прочёл эмоции на лице брата. С того рокового дня, когда отец окончательно принял решение, прошёл целый месяц. В дополнение к наказанию Лотару запрещалось выходить за пределы особняка, но прогулка у морского берега была драгоценным подарком перед завтрашним отправлением в Россию на долгие неизвестные годы. — Чем я могу помочь?

Но перед младшим братом Лотар не хотел ходить с хмурым лицом. Он загадочно улыбнулся, после чего приблизился к Дэну заячьим прыжком и бросил в него горсть песка. Возмущённый Дэн оттряхнул золотые песчинки с волос и ответил тем же — но теперь в бой шли мелкие камни и выброшенные на берег ракушки. Весёлые крики были слышны по ту сторону, где виднелись городские черепицы, но потасовку прекратила крупная волна, незаметно подкрававшаяся к мальчикам и окатив их до колен. Братья долго хохотали, надрывая животы — когда Лотар был помладше, они часто гуляли здесь, на одиноком берегу с буйными волнами. И как приятно иногда вспомнить детство, которое больше не вернуть.

— Я задумался что будет со мной через пять, десять лет, — признался Лотар. — Не могу избавиться от чувства беспокойства, когда думаю о будущем. Вот ты думал, кем станешь, когда вырастешь?

— Конечно! Я бы хотел писать исторические труды, трактаты по философии. Ты грустишь из-за того, что отец запретил тебе покидать дом?

И Лотар не выдержал тяжесть вины на плечах, когда всё-

таки поник головой, не находя в себе силы попрощаться с младшим братом — и врать ему не привык. Возможно, ради матери и младшего брата он был готов пережить любые перемены — признаваться в этом отцу уже было слишком поздно *«О чём ты думаешь, Лотар! — ударил он себя по щеке мысленно. — Я боюсь попрощаться с десятилетним ребёнком, что там до нескольких лет в стране, язык которой я не до конца заучил!»*

Дэн заметил нерешительность брата.

— Знаешь, — заговорил младший брат совсем не по-детски. — Я считаю, это неважно, кем мы станем, когда вырастим Главное, чтобы мы были счастливы.

А дальше в словах не было нужды. Два брата из прусского рода аристократов сидели на берегу Балтийского моря, погружившись в пение волн. Эта песня, кажется, отправляла в другой мир, где нет никаких проблем, взрослой ответственности. Мир, где семья Эйдельман будет неразлучна и счастлива

Поддавшись скуке, Дэн запустил камешек в воду, затем второй, третий. Услышав томный вздох негодования, Лотар решил присоединиться. Когда закатные лучи окрасили водную гладь, Дэн запустил очередную гальку, которая прыгнула рекордные семь кругов и затонула. Брат был вне себя от счастья и даже не заметил, когда успел намочить ботинки новым приливом солёной воды.

— Пойдём, — велел старший, оттаскивая младшего от во-

ды. — Я обещал вернуться домой к вечеру.

Братья оседлали лошадей и медленно побрели к родному особняку. Лотар больше не оглядывался, ведь в любой стороне — неизвестность. Ему оставалось лишь лелеять надежду о том, что на одной из сторон света покажется дорога домой.

Отъезд намечался в восемь утра, но, согласно обычаям, к назначенному времени никто не был готов. Поесть, выпить чаю, проверить, всё ли на месте, и положить что-то на удачу — дела, которые не могли пройти без участия матери. Поднимаемая пыль от вещей не давала ей успокоиться. Выражение «всё не так, и это не так» приводило только к бесполезному перетаскиванию вещей из одного места в другое. Женщина сновала по дому, будто мошка-непоседа в увлекательном путешествии по белому свету. Которая неизбежно попадает в сети

— Мама! — Лотар схватил её за нежные руки и подвинул к себе. Женщина легко поддалась, словно давно ждала момента выдохнуть. Он усадил её на кровать, позволил положить голову на свои плечи. — Пожалуйста, успокойся, у нас есть слуги для тяжёлой работы

— Понимаешь, — женщина всхлипнула, вытерла нос рукавом дорогого платья, — я буду чувствовать себя спокойнее, если сама возьмусь за твои вещи, тщательно поглажу и сложу. Мне становится легче, когда я запоминаю, что ты берёшь в длинную дорогу, в новую жизнь

А потом она начала тонуть в потоке слёз. Иногда Лотар презирал родную мать за излишнюю эмоциональность, но потом до него доходило, что без этой черты мама не была бы собой. Прекрасной, любящей женщиной, тратящей столько сил и терпения, обеспечивая детей заботой. И Лотар тоже был бы другим. Возможно, послушным сыном, превыше всего ценя долг и честь семьи. *«Сын, который войдёт в историю как великий наследник, а не как позор для собственных родителей».*

— Прости, мама, — прошептал он, глядя её по макушке.
— Давай я помогу тебе? Только скажи, что сделать.

— Ох, не надо! Я всегда такая нерасторопная, — женщина тут же встала, расправила платье и откинула тёмные пряди, приводя себя в порядок. — Прогуляйся лучше, взгляни на сад — я там розы посадила, посмотри, расцвели они? Я давно не выходила...

— Как скажешь, мам. Заодно позову слуг.

Оказывается, чуткие на запросы хозяев слуги ждали у двери и с радостью приступили к работе. Ступая к выходу из особняка, Лотар не ловил их взгляды, иногда кажушимися такими родными — будто слуги сговорились по воле отца и обделяли вниманием никудышного наследника. Он в угрюмом молчании пересекал домашний сад с рядом из мраморных фонтанов, шёл мимо заново расцветших деревьев, что привлекали жизнерадостно поющих птиц. Кроме того, мама обожала спелые яблоки, и отец заботливо посадил несколько

яблонь вдоль главной аллеи. Чуть дальше Лотар сломал веточку черешни — мама говорила, что эти красные бусинки напоминают ей о бабушке родом из Русского государства, и о том, как они гуляли в их старом поместье рядом с Москвой, когда старуха была жива.

Клумбы из разноцветных тюльпанов образовывали круг в центре дворового сада, но кроме их нежных бутонов в отдельных углах растут розовые гвоздики, бархатцы цвета пчелиного «меха». Лотар прошёл мимо отдельной клумбочки с красными розами, хотел сорвать себе одну на память — но, схватившись за колючий стебель растения, передумал, и продолжил путь.

В старом храме царили холод и темнота. Единственным источником света служили восковые свечи у крохотной иконы в центре помещения. Сюда приходили как местные простолюдины, так и члены знатной семьи Эйдельман. Вера приютила здесь людей всех возрастов и сословий, но Лотар пришёл сюда в свои семнадцать лет впервые.

— Матушка часто приходит в храм молиться, — заговорил он в пустоту, не зная, к кому ещё обратиться. — За богатый урожай? За мир в стране? Или за то, чтобы я, её старший сын, перестал гулять по борделям и наконец-то взялся за дела наследственные?

Ему хотелось выговориться, а стены глухие и немые — но, возможно, Бог есть и он внимает, раз каждый день о благополучии своём молятся сотни прихожан?

— Нет, — буркнул Лотар самому себе, сжатием пальца погасив одну из свечей. — Если бы Бог существовал, Он бы заставил отца передумать. Это жестоко, наказывать меня за то, что я живу собственной жизнью, делаю то, что мне нравится. Или Ты создал нас, чтобы мы страдали, ступая по Твоей земле?

Неожиданно послышался скрип двери — ненадолго в храм заглянул поток солнечного света. Лотар обернулся, но не увидел того, кто впустил рассветные лучи в помещение. Впрочем, гадать не было нужды.

— Дэн! Прекрати прятаться. Я знаю, что ты здесь.

Мальчик осторожно выглядывал из-за кирпичной колонны, одетый в белую помятую рубашку и синие кюлоты на размер больше. Чёрные волосы спросонья растрёпаны. Дэн любил лишний час понежиться в мягкой постели, пока мать не заметит — но сегодня встал ни свет ни заря, чтобы увидеть старшего брата.

— Это правда? — скрипучим голосом спросил младший.
— Что ты сегодня уезжаешь в Россию?

— Отец отправил меня учиться в недавно отстроенную Академию в Москве, — ответил Лотар, отводя глаза. — Так он желает наказать меня. У Академии длинное название можешь не пытаться запомнить.

— Но ты обещал научить меня стрелять из лука! — вскрикнул Дэн. — Потом метать кинжалы, орудовать мечом! Мы должны были пойти охотиться вместе, кататься верхом,

а потом, потом

Дэн заплакал — совсем не стесняясь этого, хотя недавно заявлял, что нет на свете вещей, что заставят его проливать слёзы. «Мне вообще-то десять исполнилось, я уже взрослый!». Оказалось, даже взрослые плачут. Он ещё мальчишка, подумал Лотар, заметив нелепые ямочки у него на щеках, выпуклый нос. Дэн ниже ростом почти на две головы. Юноша бы посмеялся в ответ, если бы самому не было так грустно. Старший брат подошёл к младшему и заключил того в самые тёплые и искренние объятия.

— Как ты мог! — возмущался Дэн, глотая слёзы и шмыгая носом. — Лотар, ты понимаешь меня, как никто больше дома не понимает. Матушка иногда не понимает, а отец — говорить стыдно! Ты мой единственный брат и лучший друг. И ты даже не пришёл попрощаться

— Дэн, я...

Здесь и сейчас Лотар почувствовал себя ребёнком. В детстве мир вокруг был проще — никаких обязательств и разговоров о чести, будь хорошим покладистым мальчиком, схватывай всё на лету и подавай пример младшему брату. Лотар старался, правда. Но чем старше он становился, тем сильнее менялись его ценности и взгляды на мир.

— Послушай меня, — заговорил Лотар серьёзно. — Я не пришёл попрощаться не потому, что боялся тебя расстраивать. Дело в легенде, можно сказать, традиции рода Эйдельман. Люди не говорят слова прощания, потому что верят,

знают! — что встретятся снова. И не когда-нибудь, а вот-вот, совсем скоро! Вдруг за месяц отец соскучится по мне и передумает? Я же его первый сын, наследник и гордость рода.

— Но месяц слишком долго, — хмыкнул Дэн. — Я не выдержу!

— Поверь, для меня месяц без любимого братика — намного мучительнее, чем для тебя. Но знаешь, не потеряв однажды, не научишься ценить. Воспринимай это время разлуки как новый урок от старшего брата.

Наконец, Дэн вытер слёзы, попробовал натянуть на лицо улыбку.

— Я уверен, мама соскучится по тебе быстрее папы, — сказал он и прижался к телу брата ещё сильнее. — Мы вместе приедем в Москву, и я обниму тебя пуще прежнего!

— Полегче, господин, или поездку придётся отложить из-за переломанных конечностей, — весело сказал Лотар, чувствуя нехватку воздуха, но теперь Дэн буквально запер его в объятиях. — Шучу, шучу! Мне правда тяжело дышать. Пойдём лучше, поставим свечку за здоровье нашей семьи.

— Но ты же ненавидел, когда мама звала молиться

— Мамы здесь нет. И не говори ей, что это я тебе предложил, договорились?

Они вместе подошли к алтарю с иконой, и на месте потушенной свечи Дэн с радостью поставил новую. Лотар наблюдал за танцем огонька, пока младший брат читал молитву, что знал наизусть. Он тоже заучил эти слова — но никогда не

смел произнести их вслух. Словно будет неправильно, если бы именно Лотар начал взывать к высшим силам. Но всё же Лотар, считая себя сильнейшим духом среди жильцов родного поместья — разумеется, после своего отца — не сдержал подступающие слёзы, когда Дэн добавил в конце:

— Пожалуйста, пусть мой старший братец скорее вернётся домой целым и невредимым.

Семья Эйдельман впервые за долгое время собралась вместе, чтобы проводить старшего сына в дальнюю дорогу.

Летнее солнце с утра нагревало землю, застилало ярким светом взор. Лотар попросил переместиться в тень деревьев, пока лошади раздували ноздри в недовольном ожидании.

— Зимы в России суровые, — рассказывала мама, веером смахивая капельки пота, — но вальсирующие хлопья снега, как оседают они на морозных дорожках, рисуют шедевры искусства на окнах! Сугробы, в которых можно утонуть, счастливые дети, лепящие смешных снеговиков, попусту тратя урожай морковки для их носиков. Ты полюбишь эту страну, обещаю.

— Другого выбора у меня нет, — мрачно ответил Лотар. — Мам проследи за братиком. Не знаю, что станет с Дэном без меня.

— Конечно, он никогда не останется один! А ты, милый, пиши письма как можно чаще. Рассказывай, что видел, чем занимаешься, мы с Дэном будем вместе читать. Мы все переживаем и верим в благое будущее. И Конрад тоже. Знай же, отец делает этого не из злых побуждений. Он хочет, чтобы ты вернулся лучшим человеком.

— Точно, — Лотар невесело усмехнулся. — Ведь когда я делал то, что велел отец, я всё равно не заслуживал называться достойным наследником.

Она промолчала. Лотар тоже не хотел препираться, смотря в блестящие глаза матери, бессильной женщины, которую он на самом деле очень любил. Любовь, что он не хотел показывать даже сейчас, в последние минуты перед многолетней разлукой. Повисшее беспокойство удивительным образом развеял подбежавший Дэн в детском фраке — он быстро переоделся во что-то покрасивее, когда мать заметила его на пороге особняка.

— Я успел? — спросил тоненький детский голосок. Лотар кивнул и дёрнул его за копну чёрных волос, за что младший брат злобно посмотрел на него и обиженно отдалился в сторону.

— Пока все здесь, давайте расскажу что-нибудь, — предложила мать семейства. — О детстве в России. Кстати, про вашу бабушку! Однажды, когда я будучи малышкой сбежала из дома

Она говорила долго и затянuto — детские проделки, се-

мейные успехи, первая встреча с будущим мужем И многое другое, что успело раствориться в реке времени, но навсегда оставило в сердце след и заставит сегодня улыбнуться самых грустных. Татьяна Эйдельман, в девичестве Нечаева, её дружные сыновья, Лотар и Дэн Эйдельман, смеялись рассказам из счастливого прошлого, которое не вернуть. Незаметно к ним присоединился Конрад Эйдельман, поддержавший рассказ — лишь бы оттянуть неизбежное прощание.

— Извините, нам пора, — только кучер вспомнил, что, чем дольше прощаться, тем больше будет.

— Не обессудьте, — откашлялся отец семейства, — но воспоминания, увы, отвлекают. Отправляемся немедленно.

Вещи были аккуратно погружены в карету, семья Эйдельман в один миг смиренно утихла. После чего каждый разошёлся по своим местам — мама в последний раз обняла старшего сына и, громко разревевшись, спряталась под тенью дерева; младший, чьи красные глаза успели высохнуть, долго держал старшего брата в объятиях, прежде чем побежать успокаивать мать. Они желали друг другу быть смелыми и сильными, искренними и честными, писать письма и, конечно, встретиться снова

Последним прощаться подошёл глава семейства Эйдельман. Сердце Лотара наполнились презрением, он стряхнул ладонь, которую отец положил сыну на плечо.

— Когда-нибудь ты поймёшь меня, — произнёс отец горько, тоскливо. Слово именно в этот момент просну-

лись неведомые этому человеку чувства, такие как слабость, страх — и, наверное, сожаление от того, что они дошли до крайних мер? Всего на несколько секунд, столь незначительных, чтобы поверить

— Я ненавижу тебя, — выпалил Лотар будто озверевший. Ярость пронзила разум, голос, тело юноши. Да, жители Кёнигсберга запомнили Лотара как человека, превыше семейного долга ставя личные удовольствия. Но никто в городе не сомневался — немалое место в душе дерзкого юноши занимают человеческая доброта, стойкость и отзывчивость.

Теперь на их месте зияла глубокая дыра, пустота, которую медленно заполняет злость и обида. На миг Лотара испугался возникшего гнева, это пронзающее кожу жало. Он подумать не мог, что способен до такой степени возненавидеть родного человека, вырастившего его, с кого когда-то брал пример

Или эти чувства были в нём всегда, но ждали момента проявиться?

1756. Заброшенный особняк в Восточной Пруссии

Снова звала вьюга, но теперь к ней присоединился ещё один вой. Видимо, родное поместье было настолько заброшено, что в округе завелись голодные волки.

Зейн вдруг потерял аппетит и отодвинул от себя второй бокал с кровью. Дэн, заметив это, испил из него, а потом кинул стекло в камин — посмотреть, с какой нежностью огонь обойдётся с ним.

— Что, вспоминается с трудом? — ехидно произнёс он, покосившись на старшего брата. Зейн благоразумно промолчал, затем поднялся с места. Хотя по прибытию он увидел, во что превратился семейный сад, ему захотелось увидеть снова. И дело не в слабой надежде рассеять мираж — а в смелом взгляде правде в глаза.

Зейн не решился уточнить, когда именно особняк был брошен его хозяевами, облезлый, спрятанный в лесу будто в облаке пыли. Не пытался узнать про промежуток времени, когда многочисленные клумбы с цветами превратились в иссохшие клочки земли. Скромные кустики черешни и вовсе исчезли из некогда прекраснейшего участка двора. Теперь сад обрёл облик мрачного склепа, где похоронены его воспоминания о прошлой жизни.

— Уезжая, я не думал, что искреннее признание в ненависти к отцу станут последними словами, которые он от меня услышит, — сказал Зейн. — А мама она была прекрасной женщиной и матерью, не заслужившая нас с тобой.

— Ты отвлекаешься, — недовольно подметил младший брат. Картина тающего стекла завлекла его — он не стал отворачиваться, чтобы увидеть сухие эмоции на лице брата. Ностальгия ли то, искренняя печаль или раскаяние по ошибкам прошлого. Только пламя камина и неизвестного описания жидкость мерцает в глазах. — Папа говорил, ты обустроился у графа Кузнецова, двоюродного брата матери.

— Верно. Жилище у него было прискорбное, благо, мать всё-таки дала мне денег на первое время. На самом деле зарабатывать я не собирался, — признался Зейн и усмехнулся своей юной находчивости. — Я кое-что понимал в светской жизни, наслушался в кабаках да тавернах... Но ты наверняка жаждешь узнать другое.

— И что же это, по-твоему?

Но Зейн умолк едва ли не на самом интересном, сложив руки на подлокотники и снова вжавшись в спинку кресла. Он закрыл глаза, чтобы облегчить восстановление картины тех событий, представляя омут лжи, куда погрузился, чтобы вычерпывать воспоминания.

— Знаю, я многое не рассказывал тебе, Дэн ведь таков был приказ. Но пришло время поведать о том, как именно моя жизнь изменилась навсегда и бесповоротно. Думаю, на-

чать стоит с дня, когда я повстречал Адриана. Таинственного дворянина, иностранца, который держал под рукой половину Москвы, если не целый город

1721, Москва. Осень-зима

Город встретил их дождём и леденящим душу холодом.

Два месяца в пути к Москве не прошли даром для Лотара. Он укреплял русский язык сперва по заметкам матери, потом от родственника, графа Георгия Андреевича Кузнецова, которого они захватили из недавно отстроенного города Санкт-Петербурга. От него же прусский юноша узнал, что книги как таковые в Российской империи являются редкостью. Первые типографии появились лишь в последние годы, что делало русское государство в глазах наследника далёким, диким и безнадёжным.

— Я видел тебя маленьким пару раз, — рассказывал тем временем дядя Лотара. — Кажется, когда вы приезжали в Россию на похороны твоей бабушки. Потому, когда Танечка написала мне снова...

— Вообще-то я никогда не выезжал за границы Пруссии, — усмехнулся Лотар. Граф стал для него скучнейшим собеседником не только из-за языковых трудностей. Чаще всего они говорили о прошлом семьи Кузнецовых, но воспоминания дяди были настолько смутные и неправдоподобные, что совсем скоро Лотар понял — это не воспоминания, а выдумки немолодого уже человека, не удержавшего в узде свою страсть к алкоголю. К счастью, вкусовые предпочтения Лотара значительно отличались от дядиных, то есть, совмест-

ные выпивки им не светили.

Юноша не смотрел в окно кареты. Он знал, что успеет наглядеться на улицы бывшей русской столицы, но не хотел привыкать к видам этого города. Когда долгий путь подошёл к концу, Лотар воочию убедился в местной отвратительной сентябрьской погоде. Кусочки мокрого снега смешались в дожде, он узнал новое значение русского слова «град». Но надежда окончательно потеряла его на подступах к дому. Жилище графа Кузнецова настолько старое, что видело столетнее возвышение московского княжества. Сырое и обветшавшее, больше напоминавшее деревенский дом, каким-то образом оказавшийся на границах богатого города.

— Будь как дома, племянник, — улыбнулся граф Кузнецов и отошёл за вещами. Из другой кареты вышел Вильгельм. Неразговорчивый, со страшными шрамами на лице мужчина, до смерти преданный семье Эйдельман, от теневого присутствия которого Лотар злился ещё сильнее. У любимого стражника отца наверняка был приказ не позволять наследнику разного рода вольностей, потом, конечно, докладывать о происходящем в письмах только главе семьи. Отец хотел убедиться, что старший сын будет заниматься учёбой, расти, чтобы построить прочный фундамента к будущему. Однако первым, о чём подумал Лотар, ступая на чужую землю — это то, как он будет избавляться от ненужных глаз и ушей.

Комната Лотара находилась на чердаке, и град, бушую-

ций за стенами, не давал покоя и здесь, громко стуча по крыше. Тот же вид сверху, но улицы безобразно грязные; неужоженные люди косо поглядывают на остальных. Нет очарования родных краёв, одни деревянные халупы, ни капли красоты. В руках Лотар держал перо, перед глазами — пергамент. Стоит ли писать письмо матери, когда рана не успела зажить? *«Она бросила меня, оставила на растерзание отцу и его планам».* А младший братик? Дэну будет интересно узнать, какие бывают виды за стенами Кёнигсберга.

Лотар глубоко вздохнул и отложил письменные принадлежности. Нет, слишком мало времени прошло с их последней встречи. Он вернётся в ближайшее время, родным не придётся долго тосковать по покинувшему родные края...

Неожиданно дверь на чердак распахнулась — в комнату ворвалась среднего возраста женщина, в красивом домашнем платье с узорчатой парчой, говорившее о статусе дворянки. Но напыщенность в глазах, с которой она посмотрела на гостя, была явно не дворянская.

— Учти, долго тратиться на лишний рот я не собираюсь, — впрочем, женщина не нуждалась в представлении, Лотар сразу узнал в ней жену графа, Евгению Анатольевну. Всю дорогу Георгий рассказывал, как устал от любимой жёнушки, что имей он возможность, отправил бы её куда-нибудь в монастырь. — Денег у нас немного, спасибо Гоше. Я прочитала письмо Тани трижды, если не четырежды, и она обещала незаметно от мужа присылать тебе золото да драгоценности

на продажу. Первое время мы поможем, так уж и быть...

— Я приехал сюда учиться, — ответил Лотар. — Вряд ли у меня будет время ходить на заработки.

— Учиться! Боже мой, — рассмеялась Евгения Анатольевна. — Здесь тебя жизнь всему научит. Ладно, хватит в бумагу таращиться, пойдём вниз. Дорога утомила, вижу. Накормим вас, наших дорогих прусских родственников.

За внутренним помещением дома следила всего одна служанка по имени Маша, которая и готовить умела, и порядок навести могла. Несмотря на непростой характер, Евгения Анатольевна всегда помогала Маше в работе. И лишь глава семьи, граф Георгий Кузнецов, чаще всего пропадал где-то в проулках большого города, но не ради важных дворянских дел. Никто толком не знал, где он прозябает, однако ближе к вечеру деньги в его карманах пропадали как по щелчку пальцев. Лотар решил избегать родственников, обращаться к кому-то из вынужденных соседей в случае крайней нужды.

«Полные противоположности, — подумал прусский юноша. — Наверное, отец хотел, чтобы я увидел себя со стороны, посмотрев на глупых родственников. Заметил собственные пороки и поборол их... А может, он понятия не

имел, кого я здесь встречу».

Мама говорила, что окончательно оборвала переписку с родней после смерти бабушки, ведь не осталось тех, ради кого стоило возвращаться в Москву, когда появился новый любимый дом. Лотар тогда был ещё младенцем, но сейчас, повзрослев, он быстро догадался, почему Татьяна Эйдельман решила забыть о русских корнях.

Усадьба Кузнецовых располагалась недалеко от городской провинции, именуемой здесь как Лефортова слобода. В слободе изо дня в день велось неустанное строительство. Некогда здесь была образована область «немцев», то есть, приезжих, не говорящих по-русски, сегодня же на этой земле проживают аристократы не только иностранного происхождения. Лотар проходил мимо и с белой завистью смотрел на роскошные дворцы дворян и царских покровителей. Дома, что непривычно ярко и богато выглядели на фоне деревянных хором и старых церквушек по бокам серых улиц...

Всё это и многое другое о новом месте жительства Лотар узнал и увидел в первые дни обучения в Славяно-Греко-Латинской Академии, располагающейся как раз после Лефортово.

Академия имела особый религиозный уклон, ведь кроме философии, грамматики, латыни и других классических наук студенты приходили на уроки богословия. Утренняя молитва на русском языке на православный манер — традиция, но раздражённый Лотар только делал вид, что молится.

Происходило действие в двухэтажном здании из белого камня с золотыми куполами, похожих в городе было много, но здание Академии в своём виде закрепило статус особенного. Внутри он был украшен свежими фресками и росписью с изображениями разных событий из истории Русского государства — принятие христианства на Руси, раскол церкви, старообрядчество... *«Не моя история, не моё место»*, — думал Лотар, выросший на лютеранских традициях. Ему здесь не нравилось. Ни нравилось не только из-за чересчур религиозной обстановки в учебном заведении, сложности в освоении предметов на чужом языке...

Он просто хотел домой.

— Ну, как дела в Академии? — спросила Евгения Анатольевна во время утренних кушаний. Несмотря на восклицания о «лишнем рте», женщина окружала юношу заботой насколько могла. На столе накрыта овощная похлёбка и хлеб, и Лотар зачерпывал ложку снова и снова, не в силах заставить себя попробовать еду на вкус. — Кормят хоть?

— Также, как у вас, — вздохнул Лотар, — хлебом и солью.

Впервые за долгое время он столкнулся с тем, что не справляется, а рядом не было людей, с которыми можно поделиться переживаниями. Все остались там, на родине. И пусть учителя снисходительно относились к провалам прусского наследника, быть на вторых ролях — совсем не то, чего хотел добиться Лотар через тернии и неудачи.

— Всяко лучше, чем ничего, — Евгения сидела напротив

и поедала стряпню с завидным аппетитом. — Зато русский язык у тебя стал лучше, чем в первые дни. Глядишь, через месяц, немецкий говор будет едва распознать. Если хочешь, я помогу...

— Спасибо, но я пойду, — Лотар встал из-за стола, так и не попробовав ни ложки. Положив в мешок вещи для учёбы, он поспешил в сторону Академии. Он был бы рад остаться дома, плевать, что сегодня урок философии — единственные лекции, которые Лотар посещал с удовольствием. Но наживать себе проблем неразумно, когда карманы плачут по деньгам, а живот по вкусной, свежей еде.

По пути к Академии Лотар загляделся на один из дворцов в Лефортово — красный кирпич с белыми вставками, фасад с благородными колоннами и необычные скульптуры змей во дворе не оставили его равнодушным. Даже осевший на поверхностях снег не испортил ощущения величия, навеянное этим помещьем, произведением искусства, явно не русского архитектора. Юноша поёжился, выдохнул клубок пара в сторону красного особняка. Осень выдалась морозная, каждый выход на улицу вскоре стал пробежкой до источника тепла. Вот и сейчас он снова ускорился, не задумываясь о владельце роскошного жилища. Забежав внутрь собора-училища, Лотар остановился согреть замёрзшие без перчаток пальцы... Как вдруг получил резкий толчок в спину с силой, что свалила его на пол. Столь редкий и драгоценный пергамент разлетелся по полу словно сор внутри избы, эхо от двух нежиз-

данно столкнувшихся людей пробежалось через коридор со стеклянными окнами.

— Можно повнимательней! — вырвалось у Лотара на прусском языке, но, когда он поднял глаза на источник своего гнева, остальные слова застряли в горле. На него смотрела девушка в дорогом меховом пальто и шапке, из которой выглядывали чёрные локоны.

— Простите, я не хотела, — пухлые щёки девушки покраснели не то от мороза за дверью, не то от стеснения. Её маленькие карие глазки забегали по полу, где раскиданы студенческие предметы, она неловко потянулась за одним свертком. Лотар поднялся во весь рост, не прекращая рассматривать девушку. «Красивая», — подумал он, но тут же вытряхнул мысль из головы, как только что пыль с одежды.

— Прощаю, — сказал он и протянул руку девушке. Она захлопала глазами, не ждавшая помощи от того, кого минуту назад снесла с ног. — Ну, не бойся, не кусаюсь.

Недолго сомневаясь, девушка взялась за протянутую ладонь. Поднимаясь, она едва удержала равновесие, пришлось Лотару обнять девушку, чтобы не позволить ей свалиться снова.

— Извините, пожалуйста! — вырвалась она из чужих рук. Лотар усмехнулся из-за нахлынувшей ностальгии по прошлому, когда тепло женского тела согревало юношу чаще, чем стены родного особняка в Кёнигсберге, и взялся собирать разбросанные по полу предметы. До сегодняшнего дня

пруссский юноша не знал, что юным барышням нашлось место в высшем учебном заведении.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Марта. Спасибо... спасибо, что помогли с вещами. И простите ещё раз, что сбила...

— Главное, что никто не поранился. Я Лотар Эйдельман, прибыл из Прусского королевства месяц назад.

— Из Пруссии? Здорово, я не встречала людей оттуда! Правду говорят, что в Пруссии не знают, что такое снег?

— Знают, ещё как знают. Но не знают, что снег... превращается в сугробы, сравнимые с горами.

Марта хихикнула, Лотар тоже не удержался от весёлой улыбки. Не находя идей для поддержания разговора, студенты стояли в проходе в неловком молчании, смотря куда угодно, но не друг на друга.

— Я должна идти, — прервала молчание Марта. — Наверное, опаздываю, как бы мой наставник потом ни выслушивал упрёки от учителя. Если ты тоже студент, может... позже встретимся? На общем уроке, например.

— Очень надеюсь, что этим уроком будет философия.

— О, я тоже очень люблю философию! Однажды мне доводилось читать трактат из Древней Греции...

— Кто-то говорил об опозданиях, — снова улыбнулся Лотар. Девушка приложила ладонь к губам, огляделась, будто опасалась быть замеченной другими студентами.

— Точно, мне пора. Увидимся, Лотар из Пруссии!

Она исчезла из прохода так быстро, подобно крошечной мышке, юркнула в своё тёплое убежище. Шагая к комнате, где проводился урок, Лотар не мог скрыть улыбку. И дело было не в философии или женском очаровании. Кажется, Марта стала первым человеком в Академии, с которым он хотел говорить на русском языке искренне и выразительно.

Из окна комнаты на чердаке Лотар наблюдал за завораживающим танцем снежинок. Снежные фигурки падают оттуда, куда смотрит человек за ответом от всеведущего Неба, ради того, чтобы слиться с белым покрывалом на бренной земле — или растаять под шагом грязных сапог человека. Такие быстрые, что невозможно рассмотреть их истинную форму, крошечные для глаза простого смертного... Их танец снова и снова навеивал тоску по родным краям, по словам матери о привязанности к родной стране, которую она оставила ради огромной любви к мужу. В руке Лотар держал перо, на столе — пергамент, но время неумолимо шло, а он всё ещё не придумал слова для первого письма домой.

«Мама, вы обрадуетесь тому, что я нашёл себе друзей — то есть, подругу», — написал он, но тут же перечеркнул строку. Правда, Лотар хотел рассказать о Марте, о девушке-ровеснице, благодаря которой скучная учёба в Академии

перестала таковой быть. Когда Лотар узнавал о совместных с группой Марты лекциях, он с увлечением пересекал непроходимые из-за сугробов дороги, приходил на урок первым, не желая пропустить дорогие минуты рядом с подругой.

Однажды она позвала Лотара прогуляться по Красной площади. До переноса столицы в Санкт-Петербург это было место, где новости разлетались охотнее горячих пирожков. Теперь же здесь собиралась публика, чтобы посмотреть на уличный театр с его уморительными комедиями. Но Вильгельм, верный стражник отца, остановил прусского наследника на выходе из дома.

— Чёткий приказ, — ответил Вильгельм, своей огромной мускулистой тушей перегораживая выход. — Нельзя, пока не сданы экзамены.

— Да понял я, понял! Отец хочет, чтобы я чувствовал себя в этой лачужке, как в темнице. Здесь, между прочим, холодно также, как в тюрьме!

Но Вильгельм был равнодушен к восклицаниям юноши, молчаливая и непоколебимая скала. Лотар снова сел за письменный стол, сперва согрел пальцы в клубке пара изо рта, снова начал писать...

— Знаешь, мой наставник ничем не отличается от твоего Вильгельма, — призналась Марта после того, как Лотар рассказал ей про приставленного сторожа отца, что стал личным тюремщиком юноши. — Он не разрешает ходить куда-то без его ведома... Не думала, что скажу это, но быстрее бы эк-

замены настали. Может, тогда нашей общей наградой будет несколько часов свободы от лекций и тюремных стен дома?

— А кто твой наставник? — спросил Лотар. — Ты столько говоришь о нём, наверное, он богатый и влиятельный дворянин?

— О, скоро сам узнаешь, — девушка улыбнулась, польщённая любопытством друга. — Наставник обещал прийти на урок философии. Надеюсь, у меня получилось заинтриговать тебя?

— Я бы всё равно пришёл послушать... А ты, похоже, дорожишь наставником, как дорожишь близким человеком?

Неожиданно Марта смутилась, опустив глаза в пол.

— Приходи на его лекцию, — сказала она полушёпотом. — Обещаю, ты не пожалеешь о полученных знаниях.

Деньги закончились к концу года.

Зато благодаря помощи Марты с уроками и изучением русского языка, Лотар добился уважения в глазах учителей. Будто вернулся в детство, когда погоня за новыми знаниями и покорение вершин было любимым развлечением юного Эйдельмана. Они подолгу задерживались в Академии, чтобы повторить сложные темы — и просто пообщаться, как две молодые свободолюбивые души, наконец-то покинувшие ре-

шётки родительского контроля.

Вильгельм, разумеется, не знал, почему на самом деле Лотар задерживался в учебном заведении. Однако, взглянув на успехи подопечного, ослабил подозрения и поделился небольшой суммой, присланной от матери. А также позволил взглянуть на первое письмо из казавшейся такой далёкой Пруссии.

«Почему же мы не получаем от тебя вестей?» — спрашивала мама в душевных строках, где рассказывала об успехах младшего брата, об отце, завершившего очередные переговоры. Лотар вдыхал запах свежего пергамента, желая воспроизвести в памяти картину — как сидит мать за письменным столом и под диктовку Дэна взмахом пера говорит о самом важном, что случилось за месяцы после их прощания...

Но юноша не успел написать долгожданный ответ. Сегодня — тот самый урок философии, который он с предвкушением ожидал.

Направляясь в Академию, Лотар снова остановился перед особняком из красного кирпича. Молодой человек видел его шесть дней в неделю и каждый раз по-новому восхищался красотой поместья и реалистичными скульптурами во дворе... Внезапно его пронзило странное чувство. Чувство, словно чужие глаза касались ниточек одежды, незнакомые пальцы трогали за части лица. И, когда он понял, что нечто жуткое и необъяснимое смотрит на него со стороны особняка, Лотар потерял равновесие.

Именно этот участок дорожки не был засыпан песком, покрыт толстым слоем льда. Боль пронзила колено, но рядом не было тех, кто мог бы заметить это неловкое падение на ровном месте. И хорошо, потому что Лотар тут же встал и, не подавая слабости, продолжил путь. Юноша вбежал в комнату для урока, удивлённый учитель оборвал свою речь из-за непредвиденного шума.

— Прощу прощения за опоздание, — Лотар поклонился настолько низко, насколько позволяла боль в ноге. Этот кроткий жест должен спасти его от битья розгами на глазах у других учеников, всё-таки, негоже опаздывать в столь важный день. Однако учитель, епископ Феофан, лишь мимолётно улыбнулся в ответ, после чего положил тяжёлую ладонь на плечо опоздавшего студента.

— Полно, Лотар. Я только познакомил остальных студентов с нашим гостем, он же один из главных покровителей Академии, признанный зарубежный педагог, написавший множество философских трудов. Я искренне признателен вам, господин, за повышенное внимание к нашему учебному курсу...

— У тебя кровь, Лотар?

Наконец, Лотар осмелился поднять взгляд. Рядом с епископом стоял мужчина невысокого роста, но с внешностью, какой прусский юноша никогда не видел прежде. Волосы его отливали ярким красным, будто драгоценный рубин на солнечном свете — длинные передние локоны были частью чёл-

ки, закрывающей левый глаз. В то время как правый обладал необычным фиолетовым цветом и осматривал юношу в том месте, где колено гудело от боли.

— Да, я... упал, — Лотар едва не потерял дар речи, рассмотрев гостя как следует. Узкая форма глаз придавала ему отчётливые черты лисицы, вышедшей на охоту, мужчина несдержанно облизнул тонкие розовые губы. В роскошном бордовом кафтане он напоминал изящную скульптуру итальянских творцов, случайно оказавшейся посреди бедной деревни.

— Сходи в больничное крыло, мальчишка, — мужчина стукнул тростью из такого же красного дерева, как его волосы. — Моего явления ждали месяцами, но мы подождём одного тебя, вы правильно поняли. Ну?

— Уже иду, господин.

До больничного крыла ярусом выше Лотар шёл, изрядно прихрамывая. Врачеватель обмотал ему ногу тканевым бастистом — и когда алый цвет крови окончательно спрятался за повязочной тканью, дверь резко отворилась, и в комнату вошёл господин с рубиновыми волосами.

— Я подумал, тебе она будет нужнее, — и мужчина протянул прусскому юноше трость из красного дерева. Невозможная боль в колене убедила Лотара принять предмет с выражением огромной благодарности.

Хотя больничное крыло они покидали вдвоём, Лотар не мог избавиться от навязчивого желания отстраниться от

неожиданного помощника. Трость облегчила шаг, но лестница стала серьёзным испытанием, с чем всё же ему помог необычный мужчина.

— Ты тот самый Лотар Эйдельман? Я наслышан о тебе, — заговорил господин. Отсутствие трости совсем не мешало его лёгкой походке. — Говорят, ты всю жизнь провёл в Пруссии, прежде чем твой небезызвестный отец...

— Я рад, что вошёл в историю, — язвительно перебил Лотар, не желая снова выслушивать о проделках родственника. Даже здесь, в тысяче километрах от дома, его заталкивают под тень отца. — Но, боюсь, о вас мне ничего неизвестно, кроме того, что сказал учитель Феофан.

— Ах, какой акт невежливости с моей стороны. Коллеги часто кличали меня как Хитрейшего, иногда — Интригана. Но я предпочитаю называться по имени. Адриан, будем знакомы. Надеюсь, моя лекция по философии тебе понравится.

На его лице появилась улыбка, очаровательная и одновременно жуткая настолько, что живот скрутило от тошноты. Выбора не было — вместе они зашли на урок, где Лотар заметил Марту и сел рядом с подругой. И лишь улеглась последняя пылинка в комнате с белыми стенами, Адриан заговорил.

— Дорогие слушатели! Сегодня мы не будем обращаться за ответами на философские вопросы к древнему Платону, повидавшему всякое Данте Алигьери или моему любимому чудаковатому Джордано Бруно. Сегодня мы будем поступим

иначе — и спросим вас. Скажите, студенты, что вы знаете о понятии «гуманности»? — голос его обладал произношением незнакомого происхождения, нежный и мурчащий, словно он обращался к любопытным детишкам. Сам Адриан, судя по бледноватой гладкой коже, был намного моложе тридцатипятилетнего епископа. — Хорошо помнящие латынь переведут это слово как «человечность», но что именно подразумевается под человечностью?

Гул ответов сотрясал класс, Адриан внимал каждому — при нём человечность превратилась в свод правил для жизни людей, внутренние ценности, стремление к благу...

— Чувственное начало, умение сопереживать, — высказалась Марта. Адриан кивнул, веля епископу Феофану записать суждение девушки на пергамент.

Много накопилось интересных мнений, Адриан остался доволен получившимся списком. Затем он приложил палец к губам, призывая недолго поразмышлять в тишине.

— Ваши рассуждения похвальны и разумны, — вскоре произнёс Адриан. — И я скажу вам честно, все они верны, ибо так задумано в философии плюрализма. Но подумайте, если человечность — производное от слова «человек», на каких языках мы бы не разговаривали, дозволено ли сказать, что человечность — *praerogativa* людей?

— У животных нет прав, но они могут понимать друг друга, стремиться к благу, развитию рода, — сказал один из студентов.

— Ты утверждаешь, что собака, бегающая за своим хвостом во дворе Академии, обладает человечностью?

— Нет, наверное... у нас эмоции и чувства, как бы это сказать... совершенны?

— А если однажды ты встретишь существо, выглядящее в точности как человек, но поступающий не так, как поступает обычный человек? Может, твой сосед, приличный с виду мужик, ворует деньги и лжёт окружающим, что его совесть пред Богом кристально чиста?

— У человечности есть разные степени и много сторон, — предположил Лотар, и Адриан снова кивнул, записывая высказывание. — То есть, у каждого человека есть жизненные границы и правила, которые могут отличаться от границ и принципов других. Он волен не проговаривать их вслух, но поступки тоже говорят. Если говорить о человечности как о желании блага, то для крепостного благом будет свобода, а для его помещика — больше денег и урожая с крестьянина.

— И что же человеку напомним о его человечности?

— Чувства любви, сострадания... боли.

Адриан растянулся в лучезарной улыбке. Взгляд его единственно видимого глаза направлен на Лотара — изучающий, заинтересованный? Юноша вдруг уловил приближение горячих дебатов, в которых не мог позволить себе проиграть, и сразу продолжил:

— В первую очередь *чувства* делают нас людьми. Поступки, слова определяются чувствами. Человек сочувствует без-

домной собаке, что рыщет по улицам в поисках еды, человек размышляет о том, можно ли простить обнищавшего вора, что делал это либо из жадности, либо дабы прокормить семью.

— А разум? Когда стоит выбор между казнью виновного в убийстве — неужели рассудок молчит, когда в игру вступает чувство милосердия?

— Убить человека, значит, идти против божественного замысла, взять на душу тяжёлый грех. Но я не судья, чтобы выносить приговор.

— А если он убил твоего близкого, смог бы ты сказать то же самое? Или, ослеплённый гневом и несправедливостью, ты станешь орудием божественного возмездия, обрекая убийцу — на смерть?

Лотар вздрогнул, вспомнив о младшем брате, десятилетнем мальчишке, не повидавшем жизнь вне земель Прусского королевства.

— Я не знаю, господин Адриан. В разговоре о человечности есть много подводных камней, требующих отдельной беседы...

— Знакомо ли тебе понятие морали, мальчишка? — но Адриан не собирался ставить точку в противостоянии мнений. — Мораль — неотъемлемая часть человечности, она определяет её степень. Но ты был прав, когда сказал, что любой человек имеет свои представления о морали. Потому осудить способен каждый, но убить — зависит от того, на-

сколько ты считаешь себя человеком на самом деле.

— Прошу прощения, урок подходит к концу, — обеспокоенно заметил Феофан, сворачивая пергамент.

— Нет! Последний вопрос, дорогие студенты. Если все в этом помещении читавшие Библию и познавшие чудеса науки считают себя людьми, при чём, не какими-то там, а человеческими! Скажите мне, кем вы станете, когда лишитесь ограничений морали, забудете о чувстве милосердия? Оборвётся ли тонкая скрепляющая ниточка с тем, что делает вас людьми?

Затем Адриан внимательно осмотрел публику — но студенты молчали, либо понадеявшись на божественную защиту, либо боялись высказываться против неё при епископе. Феофан же застыл, будто оглушённый ударом, смотря на невидимую точку перед собой.

— Надеюсь, когда я вернусь для продолжения лекции, вы, дорогие студенты, дадите мне достойный ответ. И не только вы, — неожиданная строгость, с которой Адриан посмотрел на учителя философии, поразила Лотара. Епископ — важная фигура в Академии, а Адриан этим жестом будто бы бросал тому вызов. После чего гость вышел из комнаты, позабыв про слова прощания согласно этикету.

— Господин Адриан! — Лотар поднялся вслед за ним и едва не упал от поразившей ногу острой боли. От неудачного падения его спасла трость из красного дерева...

1722, январские будни

Новый год в России начали отмечать с 1 января всего несколько лет назад, и Георгий Андреевич признавался, что до сих пор не свыкся с новой датой.

— Ах, мог бы хотя на праздники остаться дома! — ругалась жена на мужа. — Отметим бы с родственниками, как полагается приличным людям.

— Вот именно, что я предлагаю нашему племяннику провести выходные с удовольствием, — ответил Гоша. — Ну, пойдёшь? Таверна то неплохая, недавно открылась.

— Спасибо, но у меня другие планы, — произнёс Лотар с напыщенной вежливостью. Вильгельм, подглядывая на воспитанника, молча кивнул, не давая соврать.

И Лотар с огромным облегчением вышел из дома, оставив родственников в полном недоумении. Перед тем, как пойти на это дело, юноша долго пребывал в сомнениях. Ворошился на кровати, не найдя удобной для сна позы, смотрел в окно в попытках успокоить разум. Снова и снова брался за перо, чтобы написать родным...

Не получалось. Или не хотелось? Лотар не стал мучить собственное эго в поисках ответа. Но сегодня, когда появился шанс утолить любопытство перед другим вопросом, терпеть он был в не силах. Неважно, насколько человеческим он будет казаться в глазах других людей — этот солнечный ян-

варский день, первый в 1722 году от Рождества Христова, он посвятит вылазке за окружные стены красного особняка в Лефортово.

Прусский юноша не мог понять, почему его тянет исследовать дом на той улице, невидимые мистические силы то или небесная воля — любопытство всегда оказывалось выше голоса разума, запрещавшего переходить границу двора. В первый раз, когда он решился проделать задуманное в ночи, ему помешала травма ноги. Зато сегодня погода умеренно прохладная, приятно ласкающая кожу. Снег, наконец, прекратил своё сошествие на землю, как бы намекая, нет дня прекраснее, чем это январское утро.

Через десять минут он стоял у запертых дверей во двор красного особняка. Сторожевых собак, что там, людей не виделось издалека, лишь безмолвные змеиные статуи смотрели на Лотара, казалось, осуждающе. *«Видения, навеянные страхом и волнением»*, — решил он, залезая на старый дуб рядом с оградными стенами. Сдирая кожу на ладонях, он забирался выше и выше, к высоте, где дом выглядит подобно настоящему божественному чуду, снизошедшее на землю. Изображения страшных мифических зверей на фасаде здания придавали дому загадочности, фонтаны и парящие клумбы в виде острых шпилей — строгости, а многочисленные белые колонны, держащие крышу дома по бокам словно Атлас — небосвод, навеивали дух далёкой древности. Убранный с дорожек снег удобно образовал сугроб рядом с ограждениями,

потому приземление с высоты не стало очередным испытанием. Зато следующая цепная реакция — катание с вершины снежной горы — совершенно не входила в юношеские планы, он глотал снег целыми фунтами, не в силах произнести слова проклятия в сторону законов природы...

— Черти вас побрали бы! — вырвалось на родном прусском, когда Лотар остановился у подножья сугроба, опущенный лицом в землю. Тёмная туча накрыла его с головой, холод и гнев смешались в сердце, когда он выплюнул непонятную субстанцию во рту...

Прямо под ноги человеку, возвышавшемуся перед ним.

— О, да, быть забранным чёртом — достойный конец!

Лотар мгновенно узнал этот голос, лёгкий и звучный, как струны лиры в руках искусного музыканта. Солнце ослепляло вид снизу вверх, но рубиновые волосы мерцали как подлинные драгоценные камни.

— Господин Адриан! Это не то, о чём вы подумали...

— А ты, получается, угадал, о чём я подумал?

— Нет! Но на вашем месте, я решил бы, что...

— Да-а-а?

— На самом деле я хотел вернуть вам трость, — пискнул Лотар оправдание, первое пришедшее в голову. Адриан добродушно рассмеялся, а затем протянул юноше руку в перчатке, помогая подняться. Тогда Лотар с удивлением осознал, что они спокойно общаются на прусском языке и не испытывают проблем с переводом...

— Жаль, ты забыл взять трость с собой, — и каким-то заботливым движением Адриан стряхнул снег с каштановых волос прусского наследника. — Слуги часто рассказывают мне про некоего мальчишку, засматривающегося на дом, как жадно сияют его глаза, будто пожирают кирпич за кирпичиком... Я хотел бы подойти к нему и сказать, что для светлых умов двери всегда открыты, стоит позвонить в колокольчик у главных ворот. Но слова излишни, когда тяга к знаниям у молодых людей застилает глаза.

— И туманит рассудок, — добавил Лотар, почёсывая затылок.

— Верно подмечено, — кивнул Адриан. — Замёрз?

— Да, немного...

— Ну, пройдем в дом, согреешься.

Зайдя в красный особняк, они разулись и сняли верхнюю одежду в прихожей — слуга тут же появилась с халатом и одела один на незваного гостя. Лотар не успел заметить человека, который положил перед вошедшими домашние туфли, чтобы ступать по ковру с повышенным удобством.

— Господин, вы никому не расскажите о моём... проникновении? Я имею в виду в Академии. Если бы я знал, что этот особняк в вашем владении...

— Конечно, никто не узнает, — беззаботно ответил Адриан. — До тех пор, пока ты сам не захочешь, чтобы узнали.

Восхитительная гостиная, украшенная гобеленами с вышитыми гербами знатных домов, картины с библейскими и

мифическими сюжетами, парадная лестница на верхние этажи. И красные, ярко-красные ковры на позолоченной плитке...

— Вообще-то я хотел тебя познакомить кое с кем, — Адриан вдруг улыбнулся. Улыбнулся так, как мог улыбаться он один, по-лисьему, пугая и внушая радость одновременно. — О, ошибся, вы уже знакомы. Но не солгу, если скажу — второе знакомство подаётся под совершенно иным соусом, будто пробуя в первый раз!

По лестнице спускалась девушка в кружевном, пышном платье. Длинные чёрные локоны развевались позади, пока она стремительно пересекала ступеньки. И каждый шаг отзывался ударом в груди Лотара...

— Марта? — мгновенно узнал он её красивое лицо. Девушка хлопала ресницами так быстро, словно взлетая от радости встречи.

— Рад, что вы встретились где-то помимо Академии, — произнёс господин Адриан по прозвищу Хитрейший, взяв девушку за ладонь и оставив на ней нежнейший поцелуй. — Марта Михайлова, по отцу — Петровна, незаконная дочь императрицы Екатерины Романовой, жены императора Российской империи. Марта, покажешь другу внутреннее убранство особняка? Кстати, мне не пришлось приглашать мальчишку в гости — он как-то сам справился.

— С удовольствием, — поклонилась девушка и взяла Лотара за руку. — Я очень давно просила этой встречи у на-

ставника.

— Хозяйка, налей ещё кружку!

На удивление прусского наследника пиво в местной таверне оказалось более, чем сносным за столь низкую цену. Правда, Лотар предпочитал сладкое вино, желательно, красное, налитое за счёт заведения. А после того, что он узнал и увидел у господина Адриана Хитрейшего, он больше всего нуждался в бокале крепкого алкоголя и надолго забыться в его содержимом.

— Ну, как тебе? — Георгий Андреевич сопровождал юношу в каждом походе до таверны. Возможно, потому что часом позже Лотар помогал пьяному дяде добраться домой.

— Душу продал бы за бокал каберне, — пробурчал племянник.

— Э, никаких богохульных выражений! Хотя бы не так громко.

В тот день Лотар не заметил резкого исчезновения хозяйина дома. *«Адриан знал, что я приду, потому что... хотел этого? И что за игру затеял господин... Кто он такой?»* — вопросы без ответа, которые волновали его душу не меньше, чем острая потребность в вине. *«Если Марта — правда дочь императрицы, то зачем говорить о том мне? Раз-*

ве это не тайна, цена знания которой — отрубленная голова?». И спустя несколько недель, неважно, был ли Лотар трезвым или уже нет, он снова и снова вспоминал пронзающий по самое нутро взгляд лилового глаза Адриана...

Когда в дом Кузнецовых пришёл посыльный с письмом.

— Оно для тебя, Лотар, — с широчайшими от удивления глазами Евгения Анатольевна изучала конверт. — От некого Адриана...

— Дай мне, — он чуть ли не вырвал письмо из рук тётушки. Написанный на прусском языке текст Лотар перечитывал с подозрением в достоверности. Сердце стучало в груди, в ушах, повсюду, пока он боролся с сомнением. — Это приглашение к нему в гости. Тут он пишет... что у него завалялся бочонок с великолепным французским вином.

— Адриан — кто-то из учёных Академии? — обеспокоилась Евгения. — Мне не очень хочется отпускать племянника к незнакомому человеку. На твоём месте я бы хорошо подумала, прежде чем...

— А я бы на твоём месте не думал! — вставить своё мнение Георгий был только рад. — Кто, по-твоему, чаще всего проигрывает? Кто долго думает! А знаешь, кто долго думает? Тот, кто сомневается. Бояться — ровно проиграть!

— Гоша, да кто так говорит!

— Я говорю. Напомни-ка, племянничек, Адриан — не тот загадочный философ, владелец «красного особняка»? По твоим рассказам, он несметно богат! И если уж пишет

на твоём родном языке и угощает любимым напитком... По своему опыту скажу, он что-то от тебя хочет.

— Он хочет купить моё молчание, — буркнул Лотар под нос. Его обвеял непонятный страх, жгуче московских морозов. Адриан явно не колебался, когда говорил о настоящем происхождении Марты. Значит, у него были причины рассказать, но какие? Может, главный интриган здесь не он, а девушка, которую Лотар называл своей подругой?

«Я не узнаю правды, пока не приду и не потребую её лично у господина, — понял Лотар. — Возможно, этого Адриан и добивается. Хочет проверить, правда ли я тот самый неудачник и отброс, каким меня считает отец. Достоин ли я носить фамилию Эйдельман, насколько я смел в отличие от своих прославленных предков. И узнать, как долго я буду думать в ожидании поражения перед страхом таинственного хозяина красного особняка...»

Лотар усмехнулся и отложил письмо в сторону. Очевидно, дядя — человек совсем не безнадёжный, иногда даже мыслящий. Жаль, его время давно ушло.

«А моё только начинается.»

Лотар выжидающе стоял напротив ворот в красный особняк, дёрнул за колокол в третий раз. От его сомнений не

осталось и следа, разве что...

«Я так и не написал письмо матери, — вспомнил он. — Что бы сказала она, узнав, в какой игре я увяз?»

Отступить теперь некуда. Он здесь и добьётся своего — пусть Адриан скажет правду... или хотя бы откроет дверь. Стоило подумать, как человеческая фигура появилась на горизонте, приближаясь к воротам.

— Хорошо, что ты здесь, — сам Хитрейший приглашал его внутрь, привычно улыбаясь. — Я надеялся на скорую встречу.

— Что вам нужно от меня, господин? — с порога бросил Лотар в сторону хозяина. — Признайтесь, зачем преследуете меня!

— Потом, мальчик. Проходи, сегодня ты не единственный гость, требующий моего внимания.

Ничего не изменилось с последнего визита Лотара сюда. Заботливо убранные дорожки, незаметные слуги, выполняющие любой каприз, и, конечно, пугающая красота особняка и его владельца. Они поднялись на второй этаж в личные покои Адриана, где на кресле сидела полненькая женщина, укутанная в серый плащ.

— Вы не говорили, что приведёте гостей, — женщина мельком взглянула на вошедшего вместе с хозяином Лотара, тщательно скрывая лицо под капюшоном, но её нежный, ласкающий слух голос, покорила юношу издали. — Вы обещали мне...

— Вы тоже многое обещали мне, — Адриан ответил не терпящим возражением тоном. — Каждый, кто входит в мой дом, заслуживает доверия. Лотар, присаживайся. Сегодня ты не простой гость, а драгоценный свидетель, нет, лучше! Тот, кто задокументирует наш разговор. Гарант выполнения сделки.

И Лотар, сглотнув комок в горле, сел. Он хотел сохранять спокойствие, но предчувствие, предположение о личности перед собой, осушало горло из-за жажды — жажды знаний.

— Я всего лишь хочу вернуть свою дочь, — жалобно произнесла женщина. — Вы сказали, если я повлияю на мужа, пропущу ваших людей в его свиту...

— О, благодарю вас за проделанную работу. Теперь я знаю, что когда я говорю что-то сделать, то должен не по-доброму просить, а беспрекословно приказывать!

— Нет, господин! Вы неправильно поняли... дайте мне увидеться с Мартой, и я обещаю, даю трёхкратное слово! Я сделаю всё, что в моих силах для исполнения вашего плана...

Адриан недовольно стучал пальцами по столу. Лотар не видел лица таинственной гостьи, но чувствовал, как знатные господа прожигают друг друга глазами. Пламя, что вот-вот заденет его в том числе... И тогда потомок прусского рода аристократов захотел выговориться. Для себя ли, для Марты или чтобы доказать свою полезность господину, доверчиво открывшему пред ним двери в дом?

— Марта к вам не придёт, — заговорил Лотар с мощью

и властью, которая свойственна только представителю высшего дворянства. — Я был наслышан о временах до чудесного появления Адриана в жизни вашей дочери. О голодных днях, когда приходилось жевать ткань одежды, чтобы хоть как-то насытить живот, об изматывающей работе ради несчастной медной копейки. Да, рядом с господином Адрианом Марта чувствует себя лучше, чем на огороде в Богом забытой деревушке. И если вы правда печётесь о благополучии своей дочери, то лучше соглашайтесь с условиями господина, что заботится о ней, даёт кров и надежду на будущее.

Поражённые речью члены знатных семей не подбирали слов для ответа. Пламя раздулось настолько, что ещё немного, и спалило бы дом. Но тут женщина, представившаяся матерью Марты, вскочила с места... и упала на колени перед Лотаром.

— Да, вы правы, молодой человек, я никчёмная мать! — её плащ упал на землю, и Лотар наконец увидел пухлую фигуру, не раз встречавшуюся ему на полотнах Академии, творениях несчастного художника в таверне. Вот она императрица Российской империи, Екатерина Алексеевна, готова целовать чужие пятки, лишь бы заручиться доверием. — Знаю, Бог покарает меня, когда я встречусь с ликом Его на суде, но пока я здесь... Прошу, Адриан! Позволь мне отблагодарить тебя за то, что ты делаешь для Русского государства — и моей дочери.

Адриан достал из выдвижной полки ряд бумаг с выраже-

нием, будто только и ждал момента — надписи на кириллице говорили о реформах, престоле, дворянских титулах — а затем безмолвно кивнул Лотару. Довольная, ни с кем не сравнимая улыбка господина с рубиновыми волосами провожала юношу вплоть до выхода из комнаты. Снаружи Лотар глубоко выдохнул, освобождаясь от волнения и страха. *«Я сделал это. Я впервые сыграл роль влиятельного аристократа, и сделал это выше всяких похвал. Вот, для чего я был рождён».*

Пока велись долгие переговоры между господином Адрианом и Екатериной Алексеевной, слуги заботливо налили гостю дорогого вина и по-королевски усадили на лебединых подушках в зале. Зимнее время года навяло ранний закат, окрашивая белоснежные сугробы алыми линиями. И Лотар смотрел в окно, представляя, что это — не больше, чем струйки виноградного сока окрашивают чистую страницу его новой жизни.

Адриан вышел из кабинета уже затемно. Лицо его украшено восторгом будто акварельной краской, он хлопал в ладоши, приближаясь к Лотару.

— Это было прекрасно, — с придыханием, на прусском языке произнёс хозяин особняка, оглядывая юношу из дворянского рода в его пыльной, дешёвой одежде. — Я не ошибся в тебе, Лотар Эйдельман. Ты человек с невероятным талантом.

После чего Адриан взял его за руку — впервые господин

касался Лотара не перчатками, и юноша едва ли не обжёгся холодом. Бледная кожа нанизана на острые, тонкие пальцы. Этот жгучий лёд напугал прусского юношу... Но страх развеялся подобно дымке над минувшим пожаром, когда Адриан крепко, едва ли не по-отечески обнял Лотара.

— Я хочу пригласить тебя снова, мальчик, — сказал дворянин. — Но не в гости, нет! Я хочу, чтобы ты учился у меня, сын Конрада Эйдельмана. Только представь, какие знания я могу тебе подарить! Никакие учебные заведения не позволят тебе взглянуть на мир так, как на него смотрю я.

— Но я не могу ничего предложить взамен, — признался Лотар. — У меня нет денег даже на тёплую одежду.

— О, юный мальчик! Мне не нужны рубли да копейки, совсем нет. Мне нужен ты, — и лиловый глаз Адриана снова пронзил душу прусского наследника. — Судьбоносные встречи, похожие на нашу, случаются раз в сто лет. Почему бы нам обоим не воспользоваться божественной подачей?

Лотар не рвал и не метал, обдумывая предложение. Он не отводил взгляда от господина, который только что выдвигал условия жене императора. Ему хотелось смеяться над подарком, уготованным ему судьбой.

— Господин Адриан, для начала я хотел бы попросить вас об одном.

— О, не стесняйся, мальчик! Ты можешь просить всё что угодно.

— Мне нужна лучшая бумага и перо с чернилами. Я хо-

чу... хочу написать письмо домой.

Одно воспоминание из 1723

В середине лета природа особенно зелена, пышна и ароматна, подпитываемая лучами небесного светила. Время, когда небольшой садовый участок перед красным особняком чудесным образом преобразуется в элемент божественной обители, где художественный замысел проглядывается в его каждой детали. Только длинные шторы из тканей дальних уголков мира даже днём поддерживали тьму внутри дома, скрывая благоухающую красоту и летний блеск за окном. Мерцание немногочисленных свечей отпугивало мрачные тени, но для жителей особняка быть частью мрака среди коридоров и комнат также естественно, как розовое небо благодаря волшебству закатных красок.

В общей гостиной было непривычно тихо и пусто. Сервиз в шкафчиках для хранения оставался нетронутым, мягкая мебель не видела гостей который день. Едва заметная пыль улеглась на полках и поверхностях, кончики свечей на канделябре иссохли и загрубели. *«Затишье перед бурей»*, — подумал Лотар, усаживаясь напротив горящего камина. И пусть на улице неумолимая, убийственная жара, где капли пота равнялись долгожданному дождю, в красном особняке из-за вечной темноты царила приятная и умиротворяющая прохлада. Здесь можно дышать полной грудью и не бояться летнего зноя, а вечный огонь камина служил не более, чем

источником уюта для стен гостиной. Спокойствие, комфорт, щекочущие мурашки по телу — одним словом, дом, как его не описывай. Когда господин Адриан предложил Лотару перебраться к нему на постоянное жительство, он согласился не обдумывая.

— Но Вильгельм наверняка будет против, — сказал юноша, вспомнив о надоедливом, якобы «заботливом» страже.

— С ним я разберусь, — заверил Адриан, придерживаясь за трость из красного дерева. — Но прошу, не наговори лишнего... когда будешь отпрашиваться у родственников.

В тот день около года назад Евгения Анатольевна пришла вместе со служанкой Машей с сумками и мешками, переполненные от покупок. Одну сумку они торжественно вручили недоумевающему племяннику, что наконец попался им на глаза. Внутри лежал аккуратно сложенный костюм дворянского кроя. Прощупав и осмотрев одежду как следует, Лотар понял, что она вышита из тканей высочайшего качества.

— Должно быть, за приличную сумму... Но что за повод?

— Сколько месяцев мы делим кров и пищу, а мне ни разу не приходилось радовать тебя подарками, — тётушка просияла и потянулась к Лотару, желая обнять, но племянник тут же отстранился. — У нас с Гошей не получилось завести малышей, но я пытаюсь дать тебе должный уход, как делают все любящие родственники...

— Это уже не важно, — холодно произнёс Лотар и отложил подарок. — Потому что завтра я съезжаю от вас.

Госпожа Кузнецова ахнула, едва удержавшись на ногах. Даже Маша нахмурилась, поддавшись печали.

— Неужели с нами ты был настолько несчастлив? — спросила служанка.

— Просто не мешайте мне, — бросил Лотар, поднимаясь на чердак. Он не видел смысла отвечать на вопрос.

До следующего утра они не виделись даже мимолётно. В доме постоянных хлопот теперь — тишь да гладь, неразговорчивые обитатели попрятались по комнатам. Дядя Гоша пару раз стучался в дверь племянника, приглашая на душевный разговор, но юноша не чувствовал угрызений совести и тем более — желания обсуждать собственное решение. Когда немногочисленные вещи погрузили в конную повозку, Адриан показался, чтобы лично переговорить с родственниками прусского наследника. От картины их милого общения Лотару стало тошно, он поспешил спрятаться внутри кареты, и, несмотря на грустные лица провожающих, так и не вышел проститься. Вильгельм же прощался кивком головы — с позволения Адриана он обещал заглядывать в гости и в целом благосклонно отнёсся к переезду своего подопечного к более богатому и влиятельному покровителю.

Гостиная красного особняка была огромна и величественна. По несколько раз в неделю здесь устраивались званые ужины, учёные дебаты и лекции. Лотар чувствовал некую исключительную, творческую ауру этого помещения. Поэтому мгновения, когда гостиная была безлюдна, Лотар исполь-

зовал для написания писем по адресу родной усадьбы в Кёнигсберге.

«Мама, ты не представляешь, кого сегодня я встретил в гостях у господина Адриана...»

«Дэн, сегодня впервые я увидел, как цветут подснежники...»

«Дорогие мои, я должен признаться, что не могу полюбить эту страну и здешних людей, ведь душа моя занята неразрывной любовью к родным краям и вам».

Расходы на чернила и бумагу для письма были вечными тратами Лотара в счетах. Когда дело касалось младшего братика и матушки, он не сковывал себя ни в средствах, ни во вдохновении. Рассказы о жизни в русском государстве лились сладкой рекой, и не менее упоительно слушать ответы о том, что происходит в тысячи километрах от Москвы...

Конечно, отец был исключением среди правил.

— Опять пишешь мемуары домой? — Адриан бесшумно вошёл в гостиную. Сперва Лотар пугался его неожиданных появлений посреди комнаты, но спустя месяцы привычка подкрадываться мышиными шагами превратилась в ещё одну особенность уважаемого покровителя.

— Простите, господин, если вы хотите урезать траты на почтовую службу...

— О, ни в коем случае, Лотар. Пусть твои родные знают, что ты, наконец, счастлив.

Лотар не верил, что этот человек знает о понятии устало-

сти. Адриан изо дня в день присутствовал на мероприятиях в особняке и за его пределами, будь то деловые встречи, развлекательные пиры, настойчивое приглашение в гости. Люди, с которыми он общался, имели как громкие, так и незаурядные фамилии — чиновники, военачальники, деятели искусства и родственники оных. Всё это важно для великой цели, говорил Адриан, но для какой именно, никогда не уточнял. Лотар же теперь находился на службе у господина и часто сопровождал того на приёмах. Он хотел стать правой рукой Адриана, но пока довольствовался наблюдением со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.